

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Б а с и л о в

ЛЕГЕНДА: ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ!

Собирая в 1965 г. в Серахском районе Туркменской ССР данные о пережитках культа предков, я расспрашивал стариков и о легендарном родоначальнике «племени» салыров, Салыр-Газане (так произносят это имя туркмены). Мне хотелось тогда узнать, сохранились ли следы почитания Салыр-Газана, и если да, то в каких формах. Вот почему приходилось от разных людей записывать легенды об этом прямодушном и могучем богатыре. Салыр-Газан, или Салор-Казан,— предок многих туркменских «племен» — хорошо известен средневековым источникам, основанным на народных преданиях и эпическим сказаниям огузов¹. Однако то, что слышал я, заметно отличалось от уже опубликованных легенд, и мне захотелось подробнее изучить эту туркменскую версию.

Многие старики утверждали, что в Тахта-Базарском районе имеется рукописная книга о происхождении и подвигах Салыр-Газана. Называли имя и адрес владельца книги. Достав билет на крохотный почтовый самолет, я вылетел в Тахта-Базар, размышляя дорогой о том, как провести начинающийся день: было воскресенье, все учреждения закрыты.

Я вылез из самолета и прошелся по ровному глинистому полю аэродрома. Жаркое солнце, совсем не похоже на декабрь. Что же предпринять? Терять целый день для того, чтобы организовать работу официальным путем? Обидно, командировка подходила к концу. Я озираясь по сторонам. Вдали, у самой гряды крутых холмов, вздымавшихся за Мургабом, нарядно белели домики поселка. «Это участок колхоза имени Ленина», — пояснил кто-то, и я зашагал туда через поле, сражаясь с пыльной сухой травой, цеплявшейся за брюки.

Часа через полтора я уже отдыхал в просторном зале сельской школы. На полу, на кошах и коврах, в живописных позах возлежали учителя, агрономы, колхозники — все те, кто не спешил домой после пиршества, устроенного ради удачного завершения сельскохозяйственного года. Многие еще пили чай. Меня выслушали, накормили и затем усадили против немолодого мужчины в высокой шапке-кубанке, с усмешкой наблюдавшего за мной. Он назвал себя: «Аманмухаммед Бердыев, простой колхозник». По его взгляду было件нятно, что он прекрасно знал, на кого укажут односельчане как на лучшего знатока обычаев и преданий. Он наполнил зеленым чаем две пиалы — мне и себе — и начал говорить.

Вот записанная от него легенда, вернее, ее пересказ.

¹ Сводку сведений о Салор-Казане см.: В. М. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», в кн.: «Книга моего деда Коркута», М.—Л., 1962, стр. 174—190.

Салыр-Газан — наш предок. Много веков назад он жил среди узбеков и в жены взял узбечку. Она родила ему трех сыновей: старшего звали Утамыш, среднего — Тохтамыш, младшего — Ялкамыш. Падишах узбеков боялся Салыр-Газана, думая, что богатырь зарится на его престол. Решив погубить Салыр-Газана, он однажды призвал его к себе и сказал: «У падишаха Ирана дочка — богатырь. Иди, возьми ее в жены. Твой сын от нее станет знаменитым богатырем».

Салыр-Газан отправился в путь. Долго ли, мало ли он шел, наконец, достиг Ирана. Одна одинокая бедная старуха приняла его гостем, и он ей дал поручение: «Извести падишаха, что я собираюсь жениться на его дочери». Старуха пыталась отговорить его: «Не ходи к дочке падишаха, она сильнее тебя, голову тебе отрубят. Уже несколько человек из-за нее лишились головы»².

Салыр-Газан, однако, был тверд в своем решении: «Или я голову сложу, или женюсь на ней!». Он вновь настойчиво потребовал от старухи: «Иди завтра с утра и подметаю у двери падишаха». Утром следующего дня повелитель Ирана увидел старуху, подметающую у двери его двора. «Почему ты подметаешь? — спросил он. — Ведь у тебя нет сына». — «Я сегодня приобрела сына — ответила старуха. — Он влюблен в твою дочь»³. Падишах напомнил условия, которые дочь ставит всем женихам: мужем станет тот, кто победит ее в борьбе. Старуха передала это Салыр-Газану. В назначенный день Салыр-Газан встретил иранскую принцессу и победил ее. Вскоре после свадьбы, длившейся во дворце три дня, Салыр-Газан поехал обратно в Узбекистан, оставив молодую жену одну.

Как только богатырь вернулся домой, падишах узбеков коварно убил его. Он пригласил Салыр-Газана в гости, точно назначив срок. В это время стояла зима, и он поручил войску стоять на берегу замерзшей реки с тем, чтобы бросить по льду на встречу идущему в замок богатырю сабли и таким образом отрубить ему ноги. У рухнувшего на лед в лужу крови Салыр-Газана воины отрубили голову и принесли ее злодею-царю.

Тем временем дочь падишаха Ирана родила сына, которого называли Салыр. Мальчик рос силачом и был первым среди своих сверстников. Однажды ребята, которых он победил в борьбе, стали дразнить его: «У тебя нет отца!». Салыр задумался, пошел домой и попросил мать приготовить ему жареную пшеницу. Мать, приготовив кушанье, протянула ему ложку. «Нет, ты подай в ладони», — сказал Салыр. Мать подала ему горсть горячей пшеницы, и мальчик с силой сжал ее пальцы в кулак: «Кто мой отец?» — спросил он. Мать не смогла терпеть боль и призналась: «Твой отец — богатырь Салыр-Газан. Его предательски убил падишах узбеков». — «Тогда я пойду отомстить за кровь отца», — решил Салыр.

Мальчик отправился в Узбекистан и нашел там трех своих братьев, детей узбечки. Они также сочли своим долгом убить узбекского падишаха и пошли вместе с Салыром к царскому дворцу. В дороге братья встретили путника, который предложил им померяться с ним силами. Братья по очереди боролись с ним, но победителем не стал никто: силы были равными. Когда все утомились от борьбы, братья спросили незнакомца: «Как тебя зовут?» — «Сары» (т. е. желтый). — «Нет, ты не Сары, ты Эрсары» (эр — муж, богатырь). Затем они расспросили друг друга о роде-племени. Оказалось, что у них один и тот же дед. «Куда вы идете?» — осведомился Эрсары. «Падишах узбеков убил нашего отца. Хотим отомстить ему», — был ответ. Эрсары пожелал пойти с братьями, и они продолжали путь уже впятером.

² Нередко это место порождает в воображении рассказчиков устрашающие подробности. Например, подходя к городской стене, Салыр-Газан видит, как мрачный воин сбрасывает вниз отрубленную человеческую голову. Люди объясняют пришельцу: дочь иранского царя расправилась с очередным просителем ее руки. Но Аманмухаммед Бердыев почему-то избежал этой популярной детали.

³ Обычай, согласно которому сваты подметали у двери родителей девушки, известен в Средней Азии у узбеков и таджиков. См., например, «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 227. Среди туркмен такой обычай отмечен пока только у одной группы: «...При рождении в семье дочери сосед, имеющий сына, в день рождения приходит во двор новорожденной и своей папашой „подметаю“ двор, что обозначает желание взять новорожденную своему сыну». Из текста неясно, относится ли описание к подразделению олам, входящему в состав салыров (Серахский район), или к самостоятельной группе улам (Ходжамбасский район). См. А. Бахтияров, Осколки «исчезнувших» аланов, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 39.

Пришли к замку узбекского падишаха. Крепость была окружена рвом, заполненным водой из реки; повсюду стояла вооруженная стража. Разгуливая по городу, братья старались узнать, как можно проникнуть в покои падишаха. Наконец, одна старуха подсказала: «Раз в год войско сменяется. В этот день можно войти в замок». Братья дождались этого дня, смешались с толпой воинов, проникли во дворец и убили узбекского падишаха, известного под прозвищем Ит-эмджек-узбек («Узбек — Собачья грудь», ибо грудь его была похожа на собачью) ⁴.

После этого Салыр вернулся в Иран, Эрсары обосновался на берегу Амударьи, а три брата поехали на Мангышлак. Их ожидала дурная весть: пока они странствовали, их сестру украл татарский падишах. Братья сообщили своему деду, отцу Салыр-Газана, что хотят сразиться с обидчиком, убить его и взять сестру обратно. «Не делайте этого, — сказал дед. — Татарский падишах могуч, а вас только трое. Лучше пригласите его с сестрой в гости, одарите подарками да не забудьте привести его коню трех племенных кобыл, чтобы они родили для вас сильных коней». Братья так и поступили. Вскоре кобылы ожеребились, и дед вырастил трех прекрасных коней. Однажды сестра приехала домой погостить. Братья решили не отпускать ее обратно, но сестра сказала: «Надо задерживать меня. Лучше украдите дочь татарского падишаха от другой жены».

Через некоторое время после ее отъезда братья сели на коней. Долог был путь через холмы и степи, но вот уже виден дом татарского падишаха. Дочь его стирала одежду, а сестра туркменских юношей тоже была занята какой-то работой. Всадники поздоровались с сестрой, но называли ее тетей, как если бы видели ее впервые. Та ответила им традиционным приветствием. «Дайте водицы испить, тетя», — попросили братья. «Дай напиться джигитам, — сказала девушке их сестра. Девушка протянула пиалу с водой Утамышу, он выпил и возвратил ей чашу. Тохтамыш также, напившись, вернул чашу. А Ялкамыш не стал пить, ударил по чаше, схватил девушку за руку, втащил на седло и как вихрь помчался прочь. Вскоре его стала настигать погоня во главе с самим татарским падишахом. «В отца твоего выстрелить или в его коня?» — спросил Ялкамыш у девушки. «Ни в отца, ни в коня не стреляй», — ответила она. «Тогда я разобью стрелой седло», — решил Ялкамыш. Натянув свой желтый лук, он прицелился в седло; от удара меткой стрелы седло разлетелось на кусочки. «Остановись! — закричал татарский падишах. — Теперь я тебя не трону. Даю тебе совет: никогда не подпускай своего коня к чужим кобылицам!». С этими словами он повернул коня и поскакал обратно.

Когда Ялкамыш догнали его братья, они остановились передохнуть. Тохтамыш сказал девушке: «Я сяду на одной кошке с Ялкамышем, а ты садись вместе с Утамышем — ведь он старший брат». Но девушка отказалась: «Я не желаю переходить из рук в руки. Меня украл Ялкамыш, и я до конца своих дней буду с ним». Братья стали спорить, но Ялкамыш сказал: «Пусть наш дед решит, как быть». Вернулись домой, обо всем рассказали деду. «Кому станешь женой, дитя мое?» — спросил девушку старик. «Кроме Ялкамыша ни за кого не пойду», — решительно отвечала девушка. Тогда дед послал сватов в семейства, где имелись девицы на выданье, и в одну ночь была пышно отпразднована свадьба всех трех братьев. Потомки Утамыша и Тохтамыша — текинцы («племня» теке делится на две крупные ветви — отамыш и тохтамыш), потомки Ялкамыша — мы, сарыки, а так как жена Ялкамыша татарка, мы можем, обращаясь к татарину, говорить ему: дядя («дайы») ⁵.

⁴ В одном из вариантов легенды самаркандского правителя зовут Ит-Эмен («вскормленный собакой»), ибо мать его, будучи замужем, вступила в незаконную связь (записано мною в Серахском районе ТуркмССР).

⁵ Туркмены-атинцы называют дядьями казахов, ибо по легенде жена их родоначальника казашка. Дядьями называют турмен-гарадашлы туркмены-шихи, так как их предок Пакры-ших будто бы женился на дочери гарадашлинского Языр-хана (К. Атаев, Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», т. VII, Ашхабад, 1963, стр. 76). Обычно же термином «дайы» туркмен называл всех представителей «рода» (тире, тайпа) матери, независимо от их возраста. Такое употребление термина, видимо, надо рассматривать как отголосок исчезнувшей экзогамии.

Повторяю еще раз, что здесь приведено лишь сжатое изложение легенды. Я не мог поспеть за рассказчиком, хотя Аманмухаммед-ага, видя, как я лихорадочно пишу, говорил неторопливо, делал паузы, отхлебывал чай из пиалы и перекидывался короткими шутливыми репликами с собравшимися. Судя по тому вниманию, с которым человек тридцать слушали (и наверное, не в первый раз) Аманмухаммед-ага, он был известным рассказчиком. Но все же мне не удалось записать легенду дословно по-туркменски, и моя запись, конечно, не передает всех стилистических особенностей жанра.

Однако содержание легенды не искажено (я прочел свою запись рассказчику, и он одобрил ее); следовательно, пользоваться приведенным пересказом как источником можно, тем более что книгу мне так и не удалось разыскать: владелец ее умер, а сама рукопись, по словам его сыновей, еще лет сорок назад пропала.

Чем же интересна легенда о богатырях-родоначальниках?

Прежде всего ее трудно воспринять как рассказ о реальных событиях. С первых же слов нас окружает атмосфера сказки. Героя хотят извести, для чего посылают на верную смерть. Это устойчивый элемент сказочного повествования. Девица-богатырь, убивающая побежденных женихов, известна сказкам многих народов, как и старуха, помогающая герою. Хорошо известен мировому фольклору и сын, родившийся в отсутствие отца. Любопытно, что Салыр, сын Салыр-Газана, выпытывающий, кто его отец, ведет себя так же, как сказочный герой. Сравним этот эпизод с отрывком из алтайской сказки. Некий Еки-Моос убил богатыря Арслана. В это время жена Арслана была беременна; вскоре родился сын. Мальчик подрос и как-то спросил мать, где его отец. Мать промолчала. Но однажды мальчик играл с другими ребятами, они сначала боролись, а затем подрались. Сын Арслана одолел всех своих товарищей и снял с них шубы. Тогда сверстники упрекнули его: «Шубы ты снимать ловок, но если ты такой богатырь, что же не идешь искать своего отца?» — «Я отдам ваши шубы, только скажите, где мой отец?» И мальчик слышит ответ: «Твоего отца убил Еки-Моос». Он решает отомстить за смерть отца. Мать отговаривает его, но он идет к врагу, вступает с ним в единоборство и побеждает его⁶.

В варианте Аманмухаммеда Бердыева узбекского падишаха зовут Собачья грудь. Это имя отражает бывшее значение собаки в мифах тюркоязычных народов. Собака (как и волк) некогда была почитаемым животным у тюркоязычных племен. У киргизов сохранялось предание о том, что они произошли от большой красной собаки и сорока девушек. Переселением тюрков в Среднюю Азию также будто бы руководил «зверь наподобие собаки». «Когда наступало время идти, он звал их на (их) языке, говоря: „Вставайте“... Когда он останавливался, то и они останавливались, пока не достигли областей, в которых воцарились»⁷. Некоторые предания связывают с собакой происхождение туркменского «племени» ёмуд. По одному из вариантов, бездетная жена Салыр-Газана из зависти отнесла новорожденного сына другой жены к ошенившейся суке, а кутенка положила в колыбель. За мальчиком закрепилось прозвище «ёвм ит» (вскормленный собакой), превратившееся потом в «ёмут»⁸. В легендах туркмен о переселении с Сырдарьи, также участ-

⁶ В. И. В е р б и ц к и й, Алтайские инородцы, М., 1893, стр. 149—150.

⁷ А. Д ж и к и е в, Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», т. VII, Ашхабад, 1963, стр. 200.

⁸ Эта легенда также записана мною в колхозе имени Ленина Тахтабазарского района. Подобные рассказы о родоначальнике «племени» ёмудов, вскормленном собакой, слышали в разных районах Туркмении Г. П. Васильева и А. Джикиев; эти версии не связаны с легендой о Салыр-Газане. См.: Г. П. В а с и л ь е в а, О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом, «Археология и этнография Башкирии», т. IV, Уфа, 1971, стр. 202—203; А. Д ж и к и е в, Этнографический

вуют собаки⁹. Со временем мифическая собака в туркменских сказаниях подверглась тем же превращениям, что и многие чудесные животные-покровители в преданиях других народов: осталось воспоминание об участии собаки в давних событиях, но смысл этого участия забылся, так как культ собаки угас. С утратой прежних воззрений роль собаки в легендах о передвижении народа стала пониматься иначе, собака выступает уже как враг туркмен.

Таким образом, легенда о Салыр-Газане, по существу являющаяся эпическим сказанием, а не рассказом о реальных исторических событиях, подтверждает мнение, что легенды тюркоязычных народов об основателях племен находятся в тесном родстве с эпическими произведениями, что некогда генеалогические легенды и эпос представляли собой единое целое, что в основе преданий о происхождении народа лежали мифы, возникшие на почве древних религиозных концепций¹⁰.

Если так, то как же обстоит дело с реальными сведениями о седой старине? Можно ли соглашаться с авторами, которые ищут и как будто находят в исторических легендах указания на действительно происходившие войны и переселения и пр.? Поставив этот вопрос, мы уходим далеко за рамки туркменской этнографии. Исторические предания существуют у каждого народа, а отношение науки к возможностям народной памяти пока еще окончательно не определено. Одни исследователи склонны доверять преданиям, другие настроены скептически. Наивно думать, что анализ одной туркменской легенды может разрешить спор, однако рассмотреть ее стоит — это даст новый аргумент в пользу одной из точек зрения.

Итак, отражены ли в легенде о Салыр-Газане исторически достоверные факты? Пожалуй, да. В варианте А. Бердыева узбекского падишаха зовут Ит-Эмджек, но у многих других рассказчиков имя звучит несколько иначе: Ит-Беджен (Собака-Беджен). Слово «беджен» уже говорит о многом. Это название тюркоязычного народа (бечене, биджине — печенеги русских летописей), который в конце IX в. был разгромлен огузами; после долгих и кровопролитных войн остатки его вошли в состав огузского союза племен. Не исключено, что смерть Салыр-Газана от руки Собаки-Беджена в легенде связана с какой-то крупной военной неудачей салыров, принимавших деятельное участие в борьбе с печенегами. Далее, враг Салыр-Газана — Узбек; в некоторых вариантах говорится, что его замок был в Самарканде. Эти детали, видимо, являются воспоминанием о более поздних событиях — о движении туркмен в X—XII вв. с берегов Сырдарьи в окрестные районы Самарканда и Бухары.

Но ведь основная идея рассматриваемой легенды — утверждение генеалогической схемы, обосновывающей родственную близость между племенами салыр, теке, сарык и эрсари; трое из них потомки Салыр-Газана, а эрсари — потомки его племянника. Чтобы определить ценность легенды как исторического источника в этом аспекте, надо выяснить, было ли неизменным представление о родстве этих групп в течение веков.

До нас дошли подробные записи исторических (а значит, и родословных) преданий туркмен в трудах средневековых историков, из которых наиболее известны Рашид-ад-дин (XIV в.) и хивинский хан Абулгази (XVII в.). Предками туркмен в этих сочинениях называются

очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, Ашхабад, 1972, стр. 17, 21. Отголоски легенды, вызывающей в памяти римское предание о Ромуле и Реме, отмечены у башкир и киргизов. См.: Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, Зауральские башкиры, «Археология и этнография Башкирии», т. 1, Уфа, 1962, стр. 197; С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, М., 1971, стр. 287.

⁹ См. С. Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX—XIII вв., Ашхабад, 1969, стр. 227—229. Там же даны ссылки на другие работы.

¹⁰ Подробнее см. В. Н. Басилов, Культ святых в исламе, М., 1970, стр. 43—45.

огузы. Родоначальником огузов выступает мифический Огуз-хан, потомок Адама («да будет доволен им Аллах!»). От двадцати четырех внуков Огуз-хана произошли двадцать четыре огузских племени, причем некоторые племена возводятся к потомкам внуков Огуз-хана не от законных жен, а от наложниц.

Хотя к XIII в. название «туркмен» уже вытеснило название «огуз» и исторические сочинения больше не упоминают о народе огузов, имя Огуз-хана, видимо, было хорошо известно туркменским преданиям еще во времена Абулгази. Это видно, в частности, из одной версии родословных легенд, которую хан-историк считал неправильной; в этой рукописи первоначально туркмен также назван Огуз.

Однако традиционная генеалогическая схема оказывается весьма восприимчивой к нововведениям. Многие варианты исторических преданий, записанных в XIX в., уже возводят туркмен не к Огузу, а к двум родоначальникам: часть племен считается потомками Саин-хана, часть — потомками Эсен-хана. Что за личность Эсен-хан, не выяснено. А Саин-хан (или Союн-хан) — прозвище Батыя; из этого видно, какой переворот в родословных легендах произвело нашествие монголов. Следует отметить, что не было четкого представления, какие из туркменских племен относились к каждой из двух групп. Так, в одном историческом сочинении в составе группы «саинханы» (саинхановские) перечисляются живущие по берегам рек Атрек и Гюрген «племена и роды» охлу, гёклены, эймуры, салыры¹¹. Но в других источниках в группу «саинханы» включались теке и ёмуды. По моим записям, сделанным у гёкленов, у Союн-хана было шесть сыновей: Гёклен, Ёмуд, Теке, Эрсары, Салыр и Сарык, а у Эсен-хана — три: Гарадашлы, Емрели и Човдур. Впрочем, Н. Н. Иомудский знал предания, по которым гёклены считались «детьми Эсен-хана»¹². Часть туркменских племен вообще не попала ни в ту, ни в другую группу. В настоящее время в народе сохранилось очень смутное представление об этих двух группах¹³.

Лишь очень немногие предания, записанные у стариков-туркмен в прошлом веке, упоминают об Огуз-хане. Нет Огуза и в нашей легенде, где история четырех туркменских племен начинается с Салыр-Газана. Отец Салыр-Газана, появляющийся в середине повествования, не играет сколько-нибудь видной роли и даже не назван по имени. Но интереснее всего то, какие туркменские племена считаются древними. Этих племен четыре: салыры, теке, сарыки (потомки Салыр-Газана) и эрсари (потомки его племянника); в некоторых версиях добавляются также ёмуды. Из них лишь салыры известны как одно из огузских племен. Четыре другие группы выступили на историческую арену позднее, видимо, сложившись из осколков различных племен. Даже если они и существовали в огузскую эпоху в виде мелких родов какого-то крупного племени, самостоятельными и многочисленными объединениями они стали позднее, после нашествия монголов. Следовательно, в нашей легенде о Салыр-Газане уже не сохранились генеалогические традиции домонгольской эпохи.

Более того, она расходится и с позднесредневековыми записями туркменских родословных преданий. В труде Абулгази, например, признается связь салыров с теке, сарыками, ёмудами и эрсари, но все четыре племени происходят от людей из «салырского иля», т. е. считаются более молодыми, чем салыры. Такая схема родственной связи, несомненно, является воспоминанием о племенном объединении «внешних»

¹¹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, 1938, стр. 94.

¹² Н. Н. Иомудский, Караш-хан оглы. Из народного предания туркмен. О родословной туркмен-номудов, сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 318.

¹³ См., например, К. Атаев, Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атека в конце XIX — начале XX в., Канд. дис., М., 1966, стр. 41.

салыров (XIV—XVI вв.), в которое входили пять перечисленных племен. В этом союзе племен, видимо, главенствующее место занимали салыры, давшие свое название всей группировке¹⁴. Вот почему версия предания, воспроизведенная в сочинении Абулгази, признает за салырами старшинство. Однако в приведенной нами легенде и такое соотношение нарушено. Родоначальники племен послемонгольской эпохи выступают на равных правах с Салыром.

Но любая легенда должна рассматриваться во всей совокупности вариантов. Дают ли другие версии, записанные мной или А. Джикиевым, иную картину? Нет. Более того, сопоставляя варианты различных рассказчиков, мы убеждаемся в том, что легенды не отражают единого представления о взаимосвязи между пятью племенами. Далеко не всегда Салыру принадлежит заметная роль. Во многих вариантах старшим сыном Салыр-Газана назван легендарный основатель текинцев Теке-Мухаммед, которому приписывается и главная роль в убийстве узбекского падишаха. Есть варианты, в которых нож мстителя оказывается в руках богатыря Эрсары¹⁵.

В народе распространены и такие легенды, в которых упоминаются не все родоначальники пяти перечисленных племен. Есть также варианты, в которых появляются родоначальники других племен. Так, в одной из записей А. Джикиева шестым братом назван Емрели¹⁶. Наконец, далеко не во всех легендах родоначальники племен — братья. Например, в одном предании Эрсары назван младшим братом Салыр-Газана¹⁷. Согласно другой версии, Емуд был усыновлен легендарным родоначальником «племени» эрсари Эрсары-баба и женат на его дочери¹⁸. В разных генеалогических преданиях среди братьев-родоначальников упоминаются разные персонажи. Так, А. Борнс в первой половине прошлого века со слов туркмен-гёкленов записал: «Три великие племени: ямуд, гоклан и така (теке. — В. Б.), как уверяют, происходят от трех братьев; но последнее уступает в благородстве двум первым, ибо происходит от персидской невольницы»¹⁹. Подобные примеры, число которых можно легко умножить, убеждают в том, что генеалогические сведения легенд нельзя признать достаточно достоверными свидетельствами близости разных туркменских групп в прошлом.

Как это ни странно, сказочно-мифологические элементы удерживаются в родословных сказаниях прочнее, чем исторические сведения о взаимоотношениях различных племен несколько столетий назад. Политические перемены (если так можно называть возвышение одних и ослабление других племен) преобразуют и представления народа о своей истории. Имена древних, но исчезнувших племен и народов уходят из преданий, и их место занимают новые крупные и сильные племена. И так как текинцы становятся одним из ведущих туркменских племен, то родоначальник текинцев во многих вариантах уже изображается главным героем, а Салыр безлик, оттеснен на задний план. В некоторых версиях предания, записанных мной среди самих туркмен-салыров, их предок Салыр — даже младший сын Салыр-Газана.

Подобная «модернизация» свойственна не только легендам о Салыр-Газане. Вот другой пример: устное предание, записанное К. Ниязклычевым у туркмен-човдуров. Некий богатырь в окрестностях Ташкента вступил в борьбу с другим удалцом и вышел победителем. По обычаям тех времен, побежденного в борьбе убивали. Но богатырь побра-

¹⁴ Подробнее см. А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, стр. 8—11, 33.

¹⁵ Там же, стр. 15, 28, 31.

¹⁶ Там же, стр. 14—15.

¹⁷ А. Джикиев, Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 3.

¹⁸ Н. Н. Иомудский, Указ. раб., стр. 322.

¹⁹ А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 350.

тался со своим соперником и, возвращаясь на родину, взял его с собой. В пути им встретилась казашка, девица-богатырь, которая уже одолела в борьбе многих молодцов; однако богатырь вышел победителем и женился на ней. К тому времени, когда она забеременела, он вновь отправился странствовать и пропал без вести. Его названный брат после долгих поисков узнал, что богатыря уже нет в живых. И так как дошедший почти до наших дней обычай предписывал младшему брату жениться на вдове старшего брата, то побратим погибшего героя стал мужем казашки.

Эта легенда отдаленно напоминает сказание о Салыр-Газане и его сыновьях: здесь есть состязание с девушкой-богатырем, а окрестности Ташкента можно истолковать как память о пребывании туркменских племен в пределах современного Узбекистана. Но самое интересное в этом предании — перечисление потомства казашки. Сын погибшего богатыря получил имя Теке, сыновей от второго мужа называли Емуд, Гёклен, Сарык и Човдур. Итак, Теке здесь — старший сын, а Човдур (родоначальник човдуrow, одного из древнейших огузских племен) — младший, хотя предание и приписывает ему особую находчивость и сообразительность (он якобы догадался, как выручить из плена отца)²⁰.

Разбор подобных легенд приводит к выводу: родословные предания отражают прежде всего представления народа о своем происхождении. А эти представления легко менялись под впечатлением самых недавних событий. Прошлое рассматривалось в свете позднейшей расстановки сил, воспоминания о старине приспосабливались к интересам сегодняшнего дня. Известны даже случаи сознательного искажения генеалогической традиции. Так, еще в огузское время Сельджуки, став государями, объявили себя потомками мифического героя Афросиаба (об этом с осуждением сообщает Абулгази)²¹. И хотя генеалогические легенды, распространенные в народе, получили новую редакцию скорее всего стихийно, непреднамеренно, это не меняет существа дела: пользоваться их данными следует с крайней осторожностью.

В защиту легенд можно сказать, что они правдиво отражают участие разных народов в формировании туркмен и этим выгодно отличаются от версий, записанных и подправленных средневековыми историками. Радиш-ад-дин и Абулгази, например, изображали огузов чуть ли не единственными предками туркмен и по сути дела ставили знак равенства между огузами и туркменами. Даже смена монголоидного облика туркмен европеоидным произошла, по мнению Абулгази, «под влиянием климата»²². Между тем огузские племена влились в состав разных народов; туркмены же сложились на основе не только огузских племен, и народные предания отчетливо говорят об этом.

В нашей легенде о Салыр-Газане одна из жен героя — узбечка, а сарыки состоят в родстве с татарами. Да и в других легендах неоднократно встречаются указания на связи с другими народами. В преданиях туркмен-ата женой основателя племени была казашка. Казашка же считается супругой предка туркмен и в легендах туркмен-човдуrow²³. Генеалогические легенды признают и участие персов в образовании туркменского народа: чаще всего девица-богатырь, которую Салыр-Газан побеждает в борьбе, является дочерью падишаха Ирана.

Однако, основываясь на преданиях, нельзя утверждать, что, допустим, текинцы и сарыки ближе к узбекам, чем другие группы туркмен.

²⁰ К. Ниязклычев, Туркмены-човдуры, канд. дис., М., 1968, стр. 36—38.

²¹ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, хана Хивинского, М.—Л., 1958, стр. 70.

²² Там же, стр. 57.

²³ К. Ниязклычев, Указ. раб., стр. 49. Подобные легенды о родстве с туркменами известны и соседним народам, в частности каракалпакам (см. Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. 1, М., 1952, стр. 484—485).

В разных вариантах приведенной здесь легенды о Салыр-Газане генеалогическая схема воспроизводится неоднаково. Есть версии, в которых сыном Салыр-Газана и его жены-узбечки назван только один Эрсары (видимо, это связано с поселением туркмен-эрсари в XVII в. на берегах Амударьи, по соседству с узбеками). А в других вариантах родоначальник текинцев выступает сыном не узбечки, а дочери иранского падишаха; човдурская же легенда производит текинцев от сына казашки-богатырши. А. Джикиевым записана легенда о женитьбе Салыр-Газана на каракалпачке²⁴. Следовательно, к концу прошлого века легенды сохраняли лишь самые общие представления о родственных связях туркмен с другими народами, и вряд ли можно согласиться с мнением, что упоминание в легендах о других народах «является немаловажным фактом для изучения этногенетических связей (туркмен) с народами Средней Азии»²⁵.

Может быть несколько столетий назад воспоминания о давних временах сохранялись в памяти народа более точно и полно? Более полно — да, но достоверность их остается под вопросом. Уже в XVII в. исторические предания, даже зафиксированные в записях, расходились друг с другом: Абулгази прямо говорит о вопиющих противоречиях между списками родословных легенд, какими он располагал.

Итак, исторические предания туркмен о седой старине содержат крупитцы истины, отражают отдельные реальные события. Но факты, запечатленные в легендах, приобрели весьма своеобразный облик, их надо еще суметь расшифровать. В этом главная трудность исследования. Надо признать, что до сих пор нет критерия, который помог бы безошибочно отделить исторические данные преданий от фольклорных образов и сюжетов. По сути дела мы можем считать какую-то деталь легенды указанием на реальный факт лишь в том случае, если имеются подтверждающие легенду письменные свидетельства современников или археологические находки. Так, в нашей легенде о Салыр-Газане уже известные исторические сведения о печенегах позволили увидеть их название в имени злодея-царя Ит-Беджен. Но если бы мы ничего не знали о печенегах, правильнее всего было бы думать, что Ит-Беджен является искаженной формой понятного для нас по смыслу имени Ит-Эмджек. Упоминание о Самарканде мы рассматриваем как память о пребывании туркменских племен в долине Зеравшана, потому что знаем об этом факте из исторических сочинений. Следуя тому же принципу, и путешествие Салыр-Газана в столицу иранского падишаха надо было бы считать воспоминанием о перекочке части племен в самое сердце Ирана, но от такого истолкования разумнее воздержаться. Иран и Золотая Орда, в разное время распространявшие свою власть на многие туркменские племена, естественно, воспринимались как вражеские страны, и с ними был соединен древний мифологический сюжет богатырской женитьбы, для которой герой должен был отправиться в отдаленное чужое государство навстречу опасностям и испытаниям. К тому же в других вариантах те же герои отправляются в иные земли. Так, в целом ряде версий сестру туркменских богатырей крадет не татарский падишах, а узбекский хан или казах²⁶.

Казалось бы, критическое рассмотрение легенды уместнее всего заключить допущением, что легендарные сведения окажутся полезными при щедром дополнении их другими этнографическими данными. Но я, пожалуй, не решусь и на такое утверждение. Ведь порой легенда просто противоречит более объективным свидетельствам. Пример этого — пре-

²⁴ А. Джикиев, Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров, стр. 2.

²⁵ А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, стр. 16.

²⁶ Там же, стр. 21—22, 26—27, 29—31. Казахом назван враг Салыр-Газана и в одной из записей Г. П. Васильевой.

даныя о Салыр-Газане и его сыновьях. Опираясь на этнографические особенности и различия в диалектах, А. Джикиев справедливо считает, что среди племени салырского союза текинцы ближе всего к ёмудам, а салыры, сарыки и эрсари составляют другую группу²⁷. Но легенды дают иную картину. Чаще всего рассказчики забывают упомянуть среди братьев Ёмуда или же отрицают за ним кровное родство. Эрсары также оказывается двоюродным братом главных действующих лиц. А сарыкам, как и в варианте А. Бердыева, приписывается особая близость к текинцам. Вот и верь легенде. . .

* * *

Аманмухаммед-ага закончил свою повесть о Салыр-Газане и его сыновьях. В заполненном людьми школьном зале стояла тишина, взоры обращены на рассказчика; казалось, слушатели еще жили бурными событиями легендарных времен. Казалось. . . А не лучше ли проверить впечатление? Я спросил Аманмухаммед-ага; считает ли он, что легенда описывает похождения Салыр-Газана именно так, как и было на самом деле.

Аманмухаммед-ага немного подумал, в который раз наполнил свою пиалу чаем, помял в руке бороду и произнес: «Может быть, в каких-то подробностях и есть ошибка, но в основном все правильно. Я — верю». И добавил, найдя довод: «Ведь книга была».

Такой ответ не был для меня неожиданностью. Я уже неоднократно убеждался в том, что многие старики туркмены полностью принимают на веру исторические предания. Один старик в Серахсе твердил мне: «Вы, русские, тоже произошли от Салыр-Газана, причем вы салырам ближе, чем текинцы. Мы текинцам говорим: „Гарындаш“ (родственник), а русским должны говорить: „Гардаш“ (брат)». Легенды, видимо, потому и сохранились в народной памяти, что воспринимались всерьез. (Вот почему я не берусь точно определить жанровую принадлежность приведенного здесь рассказа о Салыр-Газане. Для меня это легенда с явными элементами сказочного повествования. Но рассказчик и часть слушателей рассматривали его как историческое предание).

Два учителя приняли спорить с Аманмухаммед-ага. Они называли предание сказкой, обращали его внимание на несуразности и противоречия в легенде. Часть аудитории поддерживала их одобрительными замечаниями, кое-кто помогал точнее высказать мысль. Аманмухаммед-ага пристально смотрел на молодых людей, но ничего не говорил. Затем кивком головы указал на мой раскрытый дневник и спросил:

— А что скажешь ты, гость? Если все это выдумки, зачем пришел и записывал?

Я, помню, осторожно ответил, что в преданиях есть крупинцы истины. И хотя в ряде случаев подобрать ключ к иноказательному языку легенд нелегко, хотя действительная последовательность событий в них иногда чудовищным образом нарушена, историку приходится обращаться к легендам, когда он лишен других, более достоверных и понятных документов.

Аманмухаммед-ага как будто был удовлетворен.

Но сейчас я все больше утверждаюсь во мнении, что ценность рассказанной им легенды не в скудных намеках на реальные исторические события, выраженных зачастую иноказательно и допускающих произвольное, следовательно, сомнительное истолкование. Значение этой легенды как исторического источника я вижу и не в том, что сходные сюжеты, отмеченные у других народов, могут служить указанием на их дальнейшее родство или бывшее общение с туркменами. Нет, легенда о Салыр-Газане важна для историка прежде всего тем, что в ней отражены традиционные представления народа о своем собственном прошлом, его мировоззрение, а также следы верований и мифов глубокой древности.

²⁷ А. Джикиев, Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана, стр. 34—35.